

*Александр
Тамоников*

**ЛОЖЬ
НА
КРОВИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Ложь на крови / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-225994-4

Капитан СМЕРШ Дмитрий Юркин, занимаясь фильтрацией советских военнопленных, освобожденных из концлагеря, обратил внимание на одного из бывших узников, красноармейца Павла Захарова. У бойца типичная легенда: попал к немцам без сознания, контактов с абвером не имел, в лагере вел себя тихо, ни во что не вмешивался... Именно эта «неприметность» и заинтересовала капитана. Что, если такое поведение — часть секретного плана, а сам пленный — не тот, за кого себя выдает... Юркин решает применить к Захарову особый подход и неожиданно получает такие откровения, от которых оперативнику становится не по себе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-225994-4

Пролог

Никто из узников лагеря не понял, что их разбудило. Сначала проснулся один, затем второй. И лишь потом до узников дошло, что стало причиной их пробуждения.

Тишина. Не было слышно гудка, привычных окриков и лая собак. Только шум ветра и крики птиц неподалеку.

Проснувшиеся заключенные бросились будить остальных. Меньше чем через пять минут весь барак уже не спал.

— А где немцы? — спрашивал кто-то.

— А пес их знает, — отвечал другой.

— Как будто вымерли все, — заметил третий.

— Хорошо бы, — усмехнулся четвертый. — На свободу бы вышли.

Эта мысль подстегнула всех. Узники бросились к дверям, но тут их ожидал неприятный сюрприз. Двери не открывались. Как ни пытались это сделать люди, измученные пленом, голодом и непосильным трудом.

— Может, отмычкой? — предложил кто-то в полумраке.

— Ага, еще скажи, ключом, — ответили ему. — Где ты отмычку возьмешь?

— Да не поможет ни отмычка, ни ключ, — сказал узник, который проснулся первым. Он сидел и внимательно разглядывал щели в дверях и стенах. — Все заколочено. Мы не сможем выйти.

Тут же поднялась паника. Люди кинулись на стены, кто-то полез наверх в надежде найти выход там.

— Я знаю! — внезапно заорал один из узников. — Это они во всем виноваты! Они, гады! Ироды поганые!

Он судорожно тыкал пальцем в сторону нескольких узников, чей внешний вид был чуть лучше, чем у остальных. Это были доносчики, стукачи и капо¹. Они собрались небольшой кучкой и настороженно посмотрели на остальных.

— А и верно, — сказал другой пленный. — Они, гады. Пока тут надрывались и недоедали, они фашистам стучали и горя не знали, иуды.

— Дави их, сволочей! Бей их! — выкрикнули из толпы, и тут уже началась жуткая суматоха.

¹ Капо — привилегированный заключенный в концлагерях нацистской Германии. В узком смысле капо — это заключенные, назначенные исполнять должности старосты барака, надзирателя, старшего рабочей команды.

Никто и не заметил, как один из заключенных метнулся в сторону и залез под нары, чтобы ненароком не попасть под горячую руку.

Расправу прервали незнакомые звуки, донесшиеся со двора. Сначала прозвучал выстрел, а потом крик:

— Есть кто живой?

Кричали по-русски.

— Мы здесь! Здесь! Живы! Родненький ты наш! Выпусти нас! — наперебой заорали узники, не поверившие, что их нашли и сейчас спасут.

И когда с заколоченных дверей сорвали последние доски, измученные люди дружной гурьбой хлынули на улицу, навстречу освободившим их советским солдатам.

Глава 1

Утро выдалось серым и хмурым. Капитан Дмитрий Юркин невольно поморщился, переворачиваясь на спину, — он всегда просыпался с рассветом, сколько себя помнил. В окно не били солнечные лучи. Лишь угрюмые серые облака давили своей тяжестью и не улучшали настроения. Впрочем, неважный настрой у Дмитрия был, как ему казалось, всегда. За последние годы он даже не мог припомнить, когда вставал с постели в хорошем настроении. С одной стороны, это было объяснимо — уже третий год шла война, и поводов для радости было крайне мало. А с другой стороны, Дмитрия всегда за глаза называли бирюком, сычом и прочими подобными словами. Впрочем, Юркин давно привык к этому и, к слову, никогда на это не обижался. Бирюк — значит, бирюк. Что поделать, такой уж уродился, и этого теперь до конца жизни не исправить. Таким и помрет.

Бреясь, он невольно засмотрелся на свое отражение в мутноватом, заляпанном по краям пятнами зеркале. «Видок еще тот, — подумалось ему. — Будто всю ночь пахал без остано-

ки и спать лег за час до побудки». Не сказать, чтобы это было далеко от истины. Вернулся он в свою комнату действительно поздно — работы ему, как и другим сотрудникам СМЕРШа, хватало. Из зеркала на капитана смотрел угрюмый человек лет под сорок с мешками под глазами, немного помятым лицом и растрепанными после сна короткими темными волосами.

«Красавец, елки-палки», — криво усмехнулся Юркин.

Да, привлекательным его назвать было сложно. Приземистый, плотно сбитый (хоть и не толстяк) и с явно неартистичными чертами лица. Дмитрий довольно долго задавал себе вопрос, чем же он приглянулся своей жене — та, в отличие от супруга, была миловидной. Однажды он спросил ее об этом напрямую. Тамара лишь пожала плечами, тепло улыбнулась и просто сказала:

— Ты очень хороший человек, Митя. А для меня это много значит.

Когда он ушел на фронт, Дмитрия нет-нет, да и посещали невеселые мысли, что супруга может себе найти кого-то. Он бы не спорил, если бы они были неженаты, — на нет, как говорится, и суда нет. Благо, город, где они жили, был в глубоком тылу, и линия фронта до него не дошла. Но опасения капитана были напрасны. Еще до работы в СМЕРШе Юркин встретил дочку соседей, Зою, ушедшую на фронт

санитаркой. Девушка, будучи той еще сплетницей, рассказывала своим товаркам (Юркин случайно подслушал их разговор), что, дескать, Тамара Юркина такая красавица, могла бы себе найти какого-нибудь офицерику или вообще мужичка попримечнее, а она нос воротит и ждет с войны своего страшного бирюка. Капитан тогда усмехнулся, но от сердца у него отлегло. Да и письма, приходившие ему, перечитывал по нескольку раз: Тамара писала, что любит и очень ждет его. Хоть Юркин и называл подобное бабскими соплями, ему было очень приятно.

На службу Дмитрий явился, как всегда, без опозданий. Не без удовлетворения отметил, что большую часть работы он вчера переделал, но и не сомневался, что судьба обязательно подбросит что-то новое. Так оно и случилось: не прошло и часа, как майор Лебедев, в подчинении которого находился Юркин и другие сотрудники второго отдела СМЕРШа, проверявшего бывших военнопленных, оповестил, что накануне под селом Поляны освободили советских людей из концлагеря. Всех освобожденных узников предстояло проверить. Дмитрий невольно вздохнул — похоже, это превращается в рутину. Он не раз слышал, как его сослуживцам, работавшим в других местах, доводилось разоблачать шпионов, диверсантов и прочих подобных им личностей. Капитану попадались

лишь мелкие лагерные «стукачки», на которых он смотрел порой, не скрывая отвращения.

Перед тем как дали команду ехать в лагерь, Юркина вызвал Лебедев. Когда тот вошел в кабинет, то увидел, что майор там не один — на стуле сидел молодой, лет двадцати пяти, человек с погонами старшего лейтенанта. Держался он довольно скромно и при появлении Дмитрия посмотрел на него доброжелательно и как-то даже доверчиво. Разумеется, встал при его появлении, как и полагается.

— Вызывали, товарищ майор? — осведомился капитан.

— Вызывал, — кивнул офицер. — Вот, Дима, — он указал на старшего лейтенанта, — напарника тебе нашел. Или, правильнее будет, ученика. Старший лейтенант Митьков. Направлен к нам на службу, во второй отдел. Принимай, так сказать, пополнение.

«Вот только учеников мне тут не хватало, — недовольно подумал Юркин. — Нашли, елки-палки, учителя. И кому — какому-то тыловому простофиле». Впрочем, на лице капитана недовольство не отразилось.

— Откуда? — скупое поинтересовался он.

— Из госпиталя, после ранения, — ответил Митьков.

«Тоже не лучше, — продолжил свой мысленный монолог капитан. — Сразу видно — интеллигентшица. Зачем его вообще сюда взяли?»

— Так что, Дима, парень поступает к тебе, под твое, так сказать, неофициальное шефство. Ты, Миша, не переживай. — Лебедев посмотрел на парня. — Капитан Юркин у нас офицер опытный, грамотный, на службе не первый день. Всему тебя научит.

«Вот только меня забыли спросить», — усмехнулся про себя будущий учитель. Сейчас он не испытывал ничего, кроме недовольства и раздражения.

— Спасибо, — кивнул Митьков и снова перевел взгляд на Дмитрия. И улыбнулся, просто и открыто. Даже недовольство Юркина слегка притупилось.

— Вот и хорошо. Тогда действуйте.

Из кабинета Лебедева Дмитрий вышел уже не один. Он сразу заметил, что старший лейтенант прихрамывает. Не постоянно, но нет-нет, да и приволакивает ногу. Похоже, про ранение не врал. Хотя было бы куда проще, если бы его списали в тыл. Но это уже зависело не от капитана. С виду парнишка вроде бы ничего. Дмитрий даже не понимал, что ему больше не нравилось в новоявленном напарнике: эта простоватость, которой, как он считал, не место в их работе, или то, что ему фактически навязали его компанию. Не сказать, чтобы Юркин не умел работать в коллективе. Умел, конечно. И, собственно, везде, где бы ему ни доводилось бывать — на довоенной ли работе, на передовой

или здесь, в СМЕРШе, он везде оказывался не в одиночестве. Просто предпочитал не сходить-ся близко с людьми. Про таких говорят: вроде бы и со всеми, а вроде бы и сам по себе.

— Товарищ капитан? — обратился к нему Митьков.

— Что? — повернулся Дмитрий.

— А вы давно в СМЕРШе?

— Не очень, — коротко ответил он.

Похоже, сейчас паренек будет допытываться до его послужного списка: где, чего, как? К слову, сам старший лейтенант не особо интересовал капитана. Хотя ради приличия, да и просто по чисто профессиональной привычке надо поинтересоваться, где тот был до госпиталя.

— А до этого где были?

— Много где.

— А я был под Ленинградом, — доверительно сообщил Митьков, опередив намерение собеседника поинтересоваться его службой. — Там меня и ранили.

— Из-за этого такой колченогий? — не удержался от насмешки Юркин.

— Да. — Старший лейтенант и не подумал обижаться. — Но это не страшно. Со временем восстановлюсь.

«Как же, держи карман шире, — снова ухмыльнулся про себя Дмитрий. — Даже если и хромать перестанешь, при малейшем дождике или ветерке будешь на одной ножке прыгать».

— Мы сейчас поедem в Поляны? — продолжал любопытствовать парень.

— Да, — кивнул капитан.

Они уже вышли во двор здания, где и обитали сотрудники второго отдела. Несмотря на то что бои здесь шли не один день, бывшая школа более-менее уцелела. Во время оккупации немцы устроили здесь что-то вроде клуба. Сначала собирались в местном Доме культуры, но, после того как последний подорвали партизаны, перебрались сюда. А потом сюда пришли и контрразведчики.

Во дворе уже стояла готовая к отправке машина. Сослуживцы Дмитрия потихоньку стекались к ней. Кто-то уже сидел в кузове, кто-то торопливо курил рядом. Видимо, не так уж там много пленных, раз одну машину посылают, решил Юркин. Он тоже хотел было закурить, но потом передумал и кивнул в сторону авто.

— Залезай, — скомандовал он.

Митьков, несмотря на покалеченную ногу, довольно ловко запрыгнул в кузов. Вслед за ним вскарабкался и капитан.

Ехать пришлось недолго. Село Поляны, где и находился теперь уже бывший концлагерь советских военнопленных, располагался минутах в пятнадцати-двадцати езды от города. «Хорошо, пешком не погнали», — подумал Дмитрий. В пути он краем глаза поглядывал на новобранца, как он окрестил про себя старшего лейте-

нанта. Тот оказался человеком общительным — почти сразу у него завязался разговор с другими офицерами СМЕРШа. Парень им представился сначала по всей форме, потом по имени — Михаил. «Эх, Мишка, Мишка, — вздохнул про себя Дмитрий. — Больно ты добренький и мягкий для нашей работы. Не стоило тебе вообще к нам во второй отдел лезть. Ты еще не знаешь, что у нас за работа и с кем приходится иметь дело. Не лучше, чем в милиции». Так Юркин думал не зря. Такое сравнение привел как-то один из нынешних сослуживцев, который, по его словам, в довоенное время поработал стражем порядка в своем родном городе.

Машина остановилась. Юркин мельком посмотрел на сидевшего рядом Митькова.

— Приехали, — коротко сказал он.

Когда они вылезли из кузова, капитан увидел уже привычную картину: ряды колючей проволоки, приземистые, грубо сколоченные деревянные бараки, голая, словно вытопанная тысячами ног, земля. Неподалеку находился редкий лесок. И запах. Такой мерзкий и знакомый. Дмитрию он был хорошо знаком. Это был запах смерти.

— Жуткое место.

Юркин обернулся. Его новый напарник Миша хмурился, глядя на бывший лагерь.

— А что ты хотел? — пожал плечами Юркин и вытащил папиросу. — Здесь тебе не царский дворец.

— Я понимаю. — Парень достал потертый кисет с табаком, ловко и быстро свернул самокрутку. Капитан даже невольно засмотрелся на его движения. — Знаете, товарищ капитан, я на фронте тоже видел много чего. И товарищи гибли, и сам фрицев убивал, и хоронить приходилось, но такое вот... — Он покачал головой и закурил.

— Ну, ты с «передком»-то не сравнивай, — хмыкнул Дмитрий. — Я тебе, парень, вот что скажу: это пока еще цветочки.

— Ягодки будут впереди? — невольно улыбнулся старший лейтенант.

— Вот-вот.

— И что же будет?

Капитан недобро усмехнулся.

— Сам увидишь, — ответил он. — Пошли.

Бывший концлагерь оказался не таким уж большим. И выживших заключенных оказалось не слишком много. Юркин уже привычным глазом оценил объем работ. До ночи точно закончат, определил он, а может, и даже до темноты. Правда, с ним еще был «новобранец», но сильно это делу не помешает. Раз сунули его к ним, пусть учится. Капитан был больше чем уверен, что после такой работенки парнишка сбежит на следующее утро, если не вечер. Но раз уж его поставили под крыло Дмитрия, надо хоть объяснить ему, что делать. Чтобы, не дай бог, дров не наломал и ничего не испортил.

Краткий ликбез Юркин провел, можно сказать, на ходу. Митьков понимающе кивал, вопросов не задавал, и капитан едва удерживался от усмешки, глядя на его лицо с сосредоточенным выражением. Но на всякий случай решил поработать с ним рядышком. Хоть новый напарник (или ученик?) был ему и не слишком приятен, но Дмитрий слыл человеком ответственным и добросовестным. Раз дали задание — значит, надо выполнить, нравится тебе это или нет. Тем более что в такое время и в таких условиях приказы не обсуждаются. И он это понимал.

Юркин и его сослуживцы включились в работу. Вопросы, записи, потоки информации... Одним словом, привычные дела. Старшего лейтенанта как новичка отправили работать с документами. Правда, последних оказалось очень мало — немцы перед уходом уничтожили их бóльшую часть. Михаилу даже пришлось ковыряться в пепелище, дабы отыскать уцелевшие от огня бумаги. Из-за этого он порядочно перемазался и стал напоминать карикатурного чертенка. Впрочем, на лице парня не отображалось неудовольствия или неприязни, да и сам он не жаловался, даже будучи по уши в золе и пепле. Отыскав не тронутые пламенем бумаги, Митьков аккуратно складывал их в отдельную стопку, пока капитан и остальные офицеры опрашивали бывших узников, записывали, уточняли, проверяли... Потом старшего лейтенанта бросили

на обыск еще с несколькими сотрудниками. Но, как и рассчитывал Дмитрий, до поздней ночи они работу закончили.

Юркин застал Михаила курящим возле входа в барак. Тот стоял без пилотки и с закатанными до локтей рукавами. Фонарей здесь, конечно, не было, но в ярком свете луны Юркин разглядел еще слегка чумазую физиономию парня и такие же запачканные руки.

— Все, собирайся, — бросил он. — Сейчас погрузим все и поедem обратно.

— Есть, — коротко ответил парень, затаившись напоследок и, бросив окурок, затоптал его сапогом. — А пленные?

— Отправятся дальше в пункт, — сообщил капитан. — Пока что наша работа закончена. И рожу умой, как приедем. А то что твой черт.

Митьков засмеялся, кивнул и пошел выполнять приказание. Молодец парнишка, оценил Дмитрий. Не ноет, не жалуется. Кто знает, может, и выйдет из него толк. Хотя ему сейчас доверили самое простое. К допросам Юркин его решил пока не допускать. Успеется еще. Если и впрямь не сбежит.

* * *

Вопреки опасениям и ожиданиям Юркина, Митьков не только не сбежал, но и появился утром на службе вовремя, бодрым и воодушевленным.

ным. «Эх, молодость, — не без зависти подумал про себя капитан. — Море по колено да горы по плечо». Старший лейтенант подошел почти одновременно с Дмитрием.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — от-
рапортовал Михаил, приложив руку к голов-
ному убору.

— И тебе не хворать, боец, — хмыкнул Юр-
кин. — Готов дальше работать?

— Конечно, готов, — не без удивления по-
смотрел на него парень.

— Тогда пойдем. Перекуришь потом, — бро-
сил он, увидев, как Митьков достал кисет.

Тот без всякого неудовольствия убрал табак
обратно в карман и проследовал за Юркиным.
Сегодня работы предстояло не меньше, чем на-
кануне: надо было разобрать все дела, изучить
изъятые в лагере документы и прочие бумаги.
Потому что потом опять пойдут допросы, вы-
яснения. В общем, все как всегда. Капитан
сильно сомневался, что и в этот раз они выявят
каких-нибудь завербованных шпионов. Пожа-
дутся очередные лагерные стукачи. И то если
они заранее не сбежали или другие узники их
не придушили. Как вот в этих Полянах.

Теперь уже Дмитрий более подробно рас-
сказал старшему лейтенанту, чем ему предстоит
заниматься и как. Михаил, как и вчера, слушал
так же внимательно, задал пару уточняющих
вопросов и приступил к работе. Первое время

капитан краем глаза поглядывал за новичком. Тот спокойно и вдумчиво занимался делом, иногда подходил, что-то спрашивал, Юркин ему отвечал.

Отвлечшись, Дмитрий полностью погрузился в фильтрационные дела. Сколько их он уже перевидал за все время работы в СМЕРШе? Сотни, наверно. А может, и тысячи. В контрразведку пришел в сорок третьем. Уже год прошел или даже больше.

Время тянулось медленно. То ли настрой сегодня был такой, то ли погода — за окном начался дождь. Еще и болезненно заныло некогда раненное правое предплечье. Юркин, не скрываясь, поморщился. Оторвавшись от очередного протокола, он мельком посмотрел на Митькова. Тот хмурился и внимательно изучал лежащий перед ним лист. Капитан решил выйти покурить. Он уже достал портсигар, но, покрутив в руке, отложил. Это надо добить, а там можно и перекур устроить.

По мере работы лицо Дмитрия все больше хмурилось. И было от чего. Накануне, во время допросов бывших узников, его внимание привлек один тип. Звали его Захаров Павел Владимирович — по крайней мере, так он представился. Рядовой. Со слов заключенного, в плен он попал в прошлом году, когда в составе группы из пяти человек отправился в тыл противника за «языком». Вылазка ока-